

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи

Антей

«Public Domain»

Тэффи Н.

Антей / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Надежда Тэффи Антей

* * *

Сколько ни хлопотал Иван Петрович, отпуск ему дали только в начале июля.

Семья давно уже была в деревне, и Иван Петрович рвался туда всей душой.

Сидя в вагоне, он набрасывал в записной книжке:

«Я жажду коснуться земли. Припасть к ней всей грудью. Впитать в себя ее соки и, как Антей, набравшись от этого общения новых сил, кинуться снова в битву».

«Битвой» Иван Петрович называл хлопоты о переводе на другое место с высшим окладом.

Так размышляя, подъехал он к последней станции. Было уже часов одиннадцать вечера.

На платформе ждал его высланный навстречу кучер.

– А барыня? А барышня? Захворали, что ли? Отчего не встретили?

– Оне уж спать полягали! – ответил кучер равнодушно.

– Как странно! Так рано! Встают, верно, в шесть... – Сел в коляску. Всю дорогу строил планы новой жизни.

– Вставать, конечно, не позже шести. Хорошо иногда и встретить солнце с женой и свояченицей... Прямо с постели – в воду. Вода в речке холодная... бррр... На весь день юн и свеж. Затем стакан молока с черным хлебом и верховая прогулка. Если дождь, надел плащ и – марш. Затем легкий завтрак. Потом работать, работать, работать! Перед обедом игра с детьми в крокет. После легкого обеда прогулка совместная с детьми. Организуем пикники... Потом легкий ужин, чтение и на боковую. Роскошь! Сколько за это время прочтешь, как поправишь организм!

До усадьбы не больше шести верст. Приехали быстро.

– Не беспокойте барыню. Пусть спит.

Устроился в кабинете. Выпил чаю. Заснул.

Утром вскочил, взглянул на часы. Половина двенадцатого. Ну, да ведь не начинать же с первого дня. Пусть пройдет дорожная усталость.

Оделся, пошел в столовую.

Вся семья за столом.

Пьют чай, едят ветчину.

– Это что же? Легкий завтрак?

– Нет. Чай пьем. Только что встали.

– Что же это с вами?

– Да так.

– Отчего вчера не встретили?

– Это после ужина-то да шесть верст трястись! Съешь кусочек ветчины. До обеда еще полтора часа.

– Так рано обедаете?

– Нельзя позже. Не дотерпеть.

Иван Петрович посмотрел пристально на жену, на свояченицу, на детей. И больше ничего не спрашивал.

Лица у всех были круглые, глаза припухшие, рот в масле. Жевали бутерброды, а глазами намечали себе новые куски на блюде.

– А вы запаслись каким-нибудь чтением? – Жена сконфузилась.

– Есть «Нива». От покойной тетушки.

– «Нива»?

– Ну да. Чего же тут особенного? Вот Лиза «Сергея Горбатова» читает.

– Гм... Может быть, пойдем пройтись?

– Теперь не стоит. Сейчас накрывать будут. Лучше после обеда.

– После обеда жарко, – сказала свояченица.

– Ну, вечером. Торопиться некуда.

– Ну, ладно. Я после обеда с детками в крокет поиграю. Необходимо хоть маленькое физическое движение.

Дети посмотрели на него припухшими глазами недоверчиво.

Потом сели обедать. Ели серьезно и долго. Говорили о какой-то курице, которую где-то ели с какими-то грибами. В разговоре приняли участие и дети, и нянька. Потом горничная, служившая еще покойной тетушке, очень живо и ярко рассказала, как тетушка фаршировала индюка.

Иван Петрович злился. Изредка пытался заводить разговор о театре, литературе, городских новостях. Ему отвечали вскользь и снова возвращались к знакомой курице и тетушкиному индюку.

Сразу после обеда он ушел в свою комнату разбирать вещи. Стал просматривать книги, в глазах зарябило так странно и приятно. Затем пришла откуда-то очень симпатичная курица, села на диван и закурила папиросу.

Разбудил его голос жены, предлагавшей ему раков.

– Каких раков? Почему вдруг раков?

– Очень просто. Сейчас принес мужик, и я велела сварить. Лиза любит.

Иван Петрович, еще плохо соображая, пошел в столовую. Там сидела свояченица и ела раков.

– Ну, как это можно? – возмутился Иван Петрович. – Ведь только что пообедали!

Но сел за стол и загляделся. Свояченица ела раков артистически. Надломит клешню, обсосет, очистит шейку, поперчит, оботрет корочкой скорлупку...

Три минуты смотрел он, на четвертой не выдержал. С тихим стоном протянул руку и выбрал рака покрупнее...

В пять часов пили чай, ели простоквашу, ягоды и варенец. Отдыхали на балконе, ужинали поплотнее и отправились спать.

– Завтра, после верховой езды, поиграю с детками в крокет, – сказал Иван Петрович, зевая.

Вечером занес в книжечку:

«У меня мало общего с женой. Из хрупкого существа, полного интеллигентных порывов, она обратилась в жвачное животное. Я чувствую себя, как связанный орел, у которого висят на крыльях жена, дети и своячени...»

Он заснул.

Конец июля.

– Чего вы тянете с обедом? – ворчит Иван Петрович. – Уже без четверти час! Ни о чем не подумают.

– Ты бы успел еще выкупаться, – говорит жена. – Сам же кричал, что хочешь купаться.

– Покорно благодарю. По этой жарнице в гору переть! Купайся сама. Что же, обед скоро? Прикажи пока хоть яичницу сделать, что ли. Не могу я голодать. Мне это вредно. Я поправляться приехал, а ты меня как лошадь тренируешь. Где Лиза?

– «Ниву» читает.

– Опять с книгой! Безобразие. Летом отдыхать надо, поправляться, а не над книгой сохнуть. Начитается зимой.

Хоть бы раков принесли, что ли. После обеда и закусить нечем будет. Ни о чем не подумают.

– После обеда ты, кажется, хотел пикник устроить, – говорит жена.

– Пикник? Кто ж в такую жару пикники устраивает. Для пикника нужен серенький денек. Осенью хорошо. Да мне, кроме того, еще работы много. Нужно еще вещи разобрать. До сих пор не успел, все некогда было.

– А вечером, папочка, в крокет будем играть?

– Ну, чего пристали? Видите, отцу некогда. Уж не маленькие. Пора бы понимать.

– Глаша, горничная, говорит, что у тетушки жила кухарка, которая умела печь новгородские лепешки, – рассказывает жена.

– Да что ты? Неужели? И вкусные?

– Очень. С картофелем, с морковкой.

– И с морковкой? Быть не может! И что же, с маслом или как?

Вечером Иван Петрович заносил в книжку: «...буквально ничего общего. Где ее любовь? Куда девалась ее страсть? Третий день сижу без простокваши! Не может понять, что я – труженик и должен, как Антей, коснувшись земли, набраться новых сил».